

— Достопочтенный!

Увидев это, мальчик-слуга пришел в ужас. Он не понимал, как от обычного лекарства для исцеления Достопочтенный вдруг начал харкать кровью. Его лицо побледнело, было видно, что увиденное сильно его напугало.

Кун Лин, находившийся внутри яйца, тоже встрепнулся, не понимая, что происходит.

Нин Цзи сурово нахмурился. Яд Циляня, дремавший в его чреве, обычно сжимался до размеров маленькой горошины, лишь изредка вызывая приступы жара. В сочетании с его собственным Намерением Меча Убийства это заставляло его страдать от невыносимой смены холода и зноя. Но сейчас, по непонятной причине, под воздействием Ивы Ледяного Сердца этот сгусток яда начал медленно расползаться.

Зрачки Нин Цзи сузились. Не успев даже удивиться, он принялся подавлять яд. Его пальцы сжались так сильно, что побелели, а по лбу градом катился пот. Лишь приложив огромные усилия, он смог укротить вспыхнувшую внутри ярость.

— Достопочтенный! — мальчик снова хотел броситься к нему.

Нин Цзи смахнул капли пота с длинных ресниц, и его голос прозвучал холодно:

— Не подходи!

Мальчик привык беспрекословно слушаться приказов, поэтому, даже испугавшись до слез, он лишь вытер глаза, не смея послушаться. Он застыл на месте.

Одежда Нин Цзи насквозь промокла. Его пальцы слегка дрожали, но, хоть он еще не пришел в себя, он уже мог держаться. Открыв глаза и подавив першение в горле, он произнес:

— Это просто действие лекарства, не стоит беспокоиться.

После того как Достопочтенный заразился огненным ядом, приступы случались часто. Мальчик, не сведущий в медицине, решил, что так и должно быть. Увидев, что Достопочтенный заговорил, и что сейчас он выглядит куда лучше — по крайней мере, лицо уже не было мертвенно-бледным, а изо рта не текла кровь, — он отчасти поверил.

Нин Цзи понимал, что внутри него что-то пошло не так. Он не хотел, чтобы кто-то видел его в таком состоянии, поэтому сжал кулаки и сказал:

— Мне нужно отдохнуть, здесь никто не нужен.

Увидев, что мальчик хочет что-то добавить, он нахмурился и распорядился:

— Уходи. Завтра на рассвете подогрей вина у Холодного омута.

Его тон не допускал возражений, и мальчик, разумеется, не посмел ослушаться. Лишь перед уходом он нерешительно спросил:

— Достопочтенный, вы правда в порядке?

Нин Цзи тихо кашлянул и бросил на него холодный взгляд. Мальчик тут же прикусил язык. Ну и глупец! Что за ерунду он несет? Зачем Достопочтенному его обманывать? Опомнившись, он поспешно закрыл рот. Зная, что Достопочтенный любит тишину, он, прежде чем Нин Цзи успел что-то сказать, схватил лежавшее на столе яйцо и поспешно удалился.

Кун Лин, который слышал каждое слово Нин Цзи, подумал: ...Этот дуралей и правда поверил?

Он не видел происходящего своим духовным чувством, но по запаху крови и приглушенному голосу Нин Цзи понял, что лекарство, скорее всего, никуда не годится. Даже будучи демоном, он знал: лекарство, от которого человек харкает кровью, хорошим быть не может.

Так что же с ним произошло? Кун Лин нахмурился, но тут же отбросил эти мысли. К чему ему думать об этом? В любом случае, это его не касается. Когда мальчик вынес его из двора, он, хоть и был заинтригован, ничего сделать не мог — его демоническая аура была слишком слаба.

Как только они ушли, створки двери со скрипом захлопнулись под порывом ветра. Звуки шагов стихли, и Нин Цзи, перестав сдерживаться, снова нахмурился и выплюнул порцию крови. Тусклый свет свечей освещал его маску, а пятна крови на губах выглядели пугающе.

Нин Цзи отбросил лишние мысли, сосредоточился и с помощью духовного чувства просканировал свой Духовный дворец. Ощущения его не обманули: огненный яд распространился. Но как это возможно?

В Духовном дворце все горело огнем, кончики пальцев онемели. Он нахмурился, преодолевая жар, и позволил Мечу Ци провести проверку, но ничего не обнаружил. Схватка жара и холода заставила уголки его глаз покраснеть. Нин Цзи глубоко вдохнул, силой подавил себя с помощью Намерения Меча и закрыл глаза, погружаясь в медитацию.

Тем временем Чу Цзиньсяо, вернувшись с ночного патруля, собирался было сразу отправиться к себе, но какое-то беспокойство заставило его подняться на гору, и он неведомым образом оказался у Двора Журавлиного Снега. Во дворе было тихо, мальчика не было, должно быть, ушел. Вспомнив, что Наставник не любит, когда его беспокоят, Чу Цзиньсяо помедлил и уже собрался уходить, как вдруг уловил запах крови. Запах шел прямо из двора. Его лицо изменилось, и он замер на месте.

После медитации состояние Нин Цзи не улучшилось. Его тело словно превратилось в дырявый сосуд, не способный удержать ни капли духовной энергии. Видимо, придется перетерпеть. Он слегка нахмурился, глянул в окно и снова закрыл глаза.

Вскоре послышался скрип двери.

— Я же сказал тебе уйти, — подумав, что это слуга, тихо произнес он.

Открыв глаза, он с удивлением увидел Чу Цзиньсяо. Тот сразу заметил на столе окровавленный платок.

— Наставник ранен? — нахмурившись, спросил ученик.

Нин Цзи взглянул на него, понимая, что этого парня так просто, как слугу, не обманешь, и промолчал. Его губы побелели. Запах крови в комнате говорил сам за себя. Сердце Чу Цзиньсяо сжалось.

— Неужели огненный яд Циляня в теле Наставника распространился? — спросил он. Пока яд был сжат в горошину, все было терпимо, но если он разойдется... Он уже однажды видел Наставника в таком состоянии. Лицо Чу Цзиньсяо помрачнело, в глазах промелькнула тревога.

Нин Цзи редко открывался посторонним, даже если это был его ученик. Видя беспокойство Чу Цзиньсяо, он лишь холодно ответил:

— Я уже подавил его. Завтра тебе снова на службу, уходи.

Однако слова Нин Цзи не возымели действия. Чу Цзиньсяо сжал кулаки, долго глядя на него, и, когда Наставник нетерпеливо нахмурился, решительно произнес:

— Ученик осмелится просить разрешения помочь Наставнику запечатать яд заново.

Нин Цзи не ожидал такого предложения и удивился. Цилянь — древний божественный зверь, и его яд, пропитанный ненавистью, был самым страшным из всех. Даже он сам каждый раз тратил немало сил, чтобы подавить его. А Чу Цзиньсяо вызвался помочь. От этой мысли он на мгновение опешил, и слова упрека застряли в горле.

В ночном сумраке стройный юноша стоял, упрямо сжав губы, и в его взгляде не было ни капли шуток. Нин Цзи, сменив холодный тон, проговорил:

— После того как я принял Иву Ледяного Сердца, яд не только не отступил, но и стал распространяться быстрее.

Чу Цзиньсяо широко открыл глаза, его лицо вмиг побледнело. Неужели этот яд Циляня и правда так трудно исцелить? Даже Ива Ледяного Сердца не помогает? В горле у него застрял ком. Он пожалел, что потратил силы на покупку этой ивы. Ничего не исправил, а только навредил Наставнику...

Выражение его лица постоянно менялось, и, как ни странно, Нин Цзи понял его чувства. Эмоции юноши были настолько сильными, что их невозможно было игнорировать.

— Не думай об этом, — нахмурившись, сказал он. — Я сам хотел купить эту иву, это не твоя вина. Я сказал тебе об этом лишь для того, чтобы предупредить: на этот раз яд стал сильнее, и если ты приблизишься, то пострадаешь от ответного удара. В лучшем случае получишь ранение и повредишь духовные каналы, в худшем — лишишься жизни.

Его голос был спокоен. Он глубоко посмотрел на ученика:

— Я сейчас сам себя спасти не могу, что уж говорить о тебе. Ночь глубока, возвращайся.

Чу Цзиньсяо не ожидал, что все настолько серьезно. Он сжал руки, в сердце кольнуло. В Дворе Журавлиного Снега тускло мерцали свечи. Нин Цзи не хотел больше говорить, он лишь мечтал, чтобы поскорее наступило утро. Он не думал, что Чу Цзиньсяо продолжит настаивать. В такой ситуации любой здравомыслящий человек отступил бы. Будь он на его месте, он бы тоже не стал вмешиваться. Поэтому он перестал обращать на него внимание. Даже если в книге было сказано, что этот парень любит его...

Нин Цзи за две жизни не знал любви, но понимал: даже влюбленные не всегда готовы жертвовать собой, что уж говорить об обычном увлечении. У него на этот счет было твердое убеждение. В комнате воцарилась тишина. Нин Цзи отвел взгляд, но юноша в этот момент поднял голову. Глядя на человека, который, казалось, был высечен из льда, Чу Цзиньсяо сжал кулаки и принял решение.

— Прошу прощения за дерзость, Наставник.

...Чу Цзиньсяо все-таки подошел. Нин Цзи редко когда бывал застигнут врасплох, но этот случай выходил за рамки его понимания. Чу Цзиньсяо опустил глаза, помогая ему подавить яд. У него была лишь стадия Закладки Основания, поэтому направлять яд было невероятно трудно. На лбу выступили вены, и его красивое лицо исказилось от напряжения.

Нин Цзи молча наблюдал за ним.

— Что-то не так, Наставник? — с трудом улыбнувшись, спросил Чу Цзиньсяо во время передышки.

Помогая Наставнику, они соединили свои сознания. Только так он понял, как сильно страдал

Нин Цзи все эти дни. Что скрывалось за его невозмутимым лицом. Глаза Чу Цзиньсяо потемнели.

— Все в порядке, — Нин Цзи бросил на него глубокий взгляд и отвел глаза, чтобы не давить на него еще сильнее.

Он погрузился в размышления о сюжете книги. В такие моменты, чем сильнее была боль и жар, тем яснее становились мысли. Ранее он не понимал, почему Ива Ледяного Сердца лишь усугубила состояние. Теперь, успокоившись и чувствуя жар в теле, он вдруг подумал о другой возможности. Может быть, дело не в иве, а в нем самом?

До этого он проверял иву перед применением, ошибок не было. Мальчик тем более не мог ошибиться. Так почему же лекарство привело к обратному эффекту? Он долго ломал голову, пока не увидел Чу Цзиньсяо. Вспомнив, что этот мир — лишь книга, он задался вопросом: если мир движется по сюжету, то не существует ли невидимая нить, управляющая им, персонажем книги? Как «белый лунный свет» главного героя, обреченный на раннюю смерть, он не мог изменить свою волю, но финал был предрешен. Именно поэтому Ива Ледяного Сердца и все остальное были бесполезны...

Впрочем, это было лишь предположение, мелькнувшее в голове. Нин Цзи знал, что одной ивы недостаточно для доказательств. Нужно попробовать еще раз. Его воля была непоколебима, и даже эта мысль не вызвала в нем волнения. Он никогда не верил в судьбу. К тому же — Нин Цзи опустил глаза и усмехнулся — если судьба действительно существует, он ее просто ломает. На его губах алела кровь, а внутри, в холодном льду Намерения Меча, пробивалось нечто, от чего дрожала сама душа.

Ночь пролетела быстро. На горизонте забрезжил рассвет. Когда начало светать, Нин Цзи открыл глаза и остановил Чу Цзиньсяо.

— Достаточно.

— Наставнику стало лучше? — лицо юноши было бледным, на губах выступила кровь, но брови, нахмуренные всю ночь, наконец расслабились. В глубине глаз теплилась улыбка.

Яд, который он с таким трудом выводил, удалось вернуть обратно в Духовный дворец. У него ушла на это вся ночь, его собственная духовная энергия была истощена почти до дна, даже каналы стали сухими. Если бы Нин Цзи не остановил его, то...

Услышав этот вопрос, Нин Цзи испытал сложные чувства к главному герою. Он оставил попытки разобраться в сюжете. Почувствовав, что ему действительно стало легче, он помедлил и сказал:

— Благодарю, я в порядке.

— Хорошо, что Наставнику лучше, — Чу Цзиньсяо облегченно вздохнул. Его уровень был низок, и ему было тяжело направлять энергию для Наставника. Он улыбнулся и уже собирался убрать руки и встать, как вдруг перед глазами потемнело, и он потерял сознание.

К счастью, Нин Цзи следил за ним и вовремя подхватил, не дав упасть на пол. От него исходил густой аромат цветов Цинхуа. Нин Цзи замер, нахмурившись, и с каким-то странным выражением лица посмотрел на него.

Чу Цзиньсяо был без сознания. Нин Цзи подумал, что не может просто отправить его обратно, и позволил ему лечь на свою кровать. Он проверил его духовную энергию и, убедившись, что тот лишь истощен и его тело не пострадало, успокоился.

Наступил ясный день. За окном щебетали птицы. Красивый юноша даже во сне хмурился. Нин Цзи взглянул на него и уже хотел опустить полог кровати, как вдруг его схватили за рукав.

— Наставник, не уходите.

<http://bllate.org/book/19881/1957157>